
Studia Culturae: Вып. 3 (41): Symposium: О. А. Власова. С. 7-17.

О.А. ВЛАСОВА

*доктор философских наук, доцент
профессор кафедры истории философии
Санкт-Петербургский государственный университет, Институт философии, Россия*

o.a.vlasova@gmail.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ И КРИТИКА В ПРАКТИКЕ ИСТОРИКА ФИЛОСОФИИ¹

В статье дискутируются концептуальные и методологические основания исследования истории философии как критической стратегии. Анализируются стратегии «репрезентации» и «критики» и их значение в практике историко-философской работы, уточняется идеологический и социально-политический контекст работы с прошлым в рамках истории философии. Предлагается авторский подход, акцентирующий статус историка философии как актора, показывается его перспективность в рамках междисциплинарной контекстуализации истории философии.

Философская историография как критическая стратегия предполагает две полярные точки рефлексии: с одной стороны, постановку вопроса об историзме/универсализме философского знания и истоке истории философии, а с другой, проблематизацию историко-философского исследования как специфического опыта историка философии. Показано, что историографический переход от процесса к актору позволяет наметить новые измерения истории философии и обозначить перспективы ее развития в современной ситуации. История философии здесь расценивается как конкретная историко-философская практика, основные проблемные точки которой сходны с таковыми в других естественных и, главным образом, гуманитарных

¹ Рубрика представляет избранные материалы конференции «История философии: антропологическое измерение», прошедшей в Институте философии СПбГУ в рамках Международного Научно-культурного форума «Дни философии в Санкт-Петербурге – 2019» (22 ноября 2019 г.). Мероприятие проводилось в рамках проекта Российского научного фонда № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии».

науках. Историко-философская критика включается в общий контекст критики общегуманитарной, закладывая ее методологические основания. Она позволяет поставить вопрос о социально-политическом и идеологическом контексте практики гуманитарных наук, акцентировать проблемы соотношения репрезентации и критики в исследовании и осмыслить статус гуманитарных наук в горизонте «прошлое - современность».

Ключевые слова: история философии, историк философии, методология, репрезентация, критика, идеология, антропологическое измерение, антропологический круг, междисциплинарность.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

O.A. VLASOVA

DSci in Philosophy, Professor

St. Petersburg State University, Institute of Philosophy, Russia

REPRESENTATION AND CRITICISM IN THE PRACTICE OF THE HISTORIAN OF PHILOSOPHY

The paper discusses the conceptual and methodological foundations of the study of the history of philosophy as a critical strategy. The strategies of «representation» and «criticism» and their significance in the practice of historical and philosophical work are analyzed, the ideological and socio-political context of working with the past in the framework of the history of philosophy is specified. The author proposes the approach, which emphasize the status of the historian of philosophy as an actor, and show its prospects in the framework of the interdisciplinary contextualization of the history of philosophy.

Philosophical historiography as a critical strategy involves two polar points of reflection: on the one hand, the question of the historicism / universalism of philosophical knowledge and the source of the history of philosophy, and on the other, the problematization of historical and philosophical research as a specific experience of the historian of philosophy. It is shown that the historiographical turn from the process to the actor allows us to outline new dimensions of the history of philosophy and outline the prospects for its development in the modern situation. The history of philosophy here is regarded as a concrete historical and philosophical practice, the main problem points of which are similar to those in other natural and, mainly, human sciences. Historical and philosophical criticism is included in the general context of general humanitarian criticism, laying its methodological foundations. It allows us to raise the question of the

socio-political and ideological context of the practice of the humanities, to emphasize the problems of correlation of representation and criticism in the study, and to comprehend the status of the humanities in the horizon «past – present».

Keywords: history of philosophy, historian of philosophy, methodology, representation, criticism, ideology, anthropological dimension, anthropological circle, interdisciplinarity.

This research was supported by a Grant from the Russian Science Foundation (project 17–18–01440 «Anthropological Dimension of the History of Philosophy»).

В истории философии, часто воспринимающейся как наука комментария, есть особые части, где исследователь, кроме закрепленного за ним междустрочия, может высказать свою позицию. Эти особые части – введение и заключение. Закономерно, что именно в них мы видим цели и выводы, а также и перспективу: номинальную или реальную позицию автора. Во времена идеологического давления – это место номинального декларирования ангажированности, что позволяет встроить авторскую историко-философскую репрезентацию в дискурсивную систему идеологии.

Декларирование ангажированности мы встречаем во всех историко-философских работах советского периода: в виде отсылок к решениям партии, ссылок на труды Маркса-Энгельса-Ленина, а также в виде формулировок вклада эпохи/философа в развитие коммунистического дискурса. Последнее, поскольку представляет более отчетливый симбиоз, представляет особенный интерес.

Так, во введении к «Античной философии» В.Ф. Асмуса мы читаем: «Философия, развившаяся в античной Греции, отражала своеобразие общественной системы, в которой она возникла. Умственное движение от VII до IV в до н.э. может быть охарактеризовано как *развитие* или как путь от мифологии и от религии к материалистически мыслящей науке» [1. С. 7-8]. Обоснование материализма греческой мысли – ключевой мотив книги Асмуса и типичный мотив историко-философских исследований «идеалистов» прошлого. Материализм греков Асмус показывает на примере ранней «натурфилософии» и материальности стихий. Это, однако, не трансформирует исследования в целом, и текст Асмуса (надо отметить, не вполне официального историка философии) являет собой блестящий пример неангажированной работы.

Подобную ситуацию мы видим и в «Европейской философии XV-XVII веков» В.В. Соколова, где указание на идеологический контекст тоже ограничивается практически только введением и контекстуализацией вроде: «культура эпохи Возрождения – это, прежде всего, культура раннебуржуазного общества...» или обоснованием фундамента философии Нового

времени опорой на идеи науки: «Опора на них передовой философии была столь значительной, что породила новую форму философии, обычно именуемую материалистическим материализмом» [11; С.3,5]. Во всем остальном ситуация сходна с таковой в работе Асмуса.

Разумеется, с современными философскими течениями ситуация оказывалась куда более сложной, особенно с теми, к которым советская идеология относилась не совсем однозначно. Так, экзистенциалисты, даже те, кто, вроде Ж.-П. Сартра, был откровенными марксистами, характеризовались как идеологи буржуазного общества с последовательным вписыванием их идей в контекст советской идеологии [См.: 7;12]. Репрезентация их философии оказывалась подчинена критике современного западного общества.

Приведенные выдержки – обязательный элемент многих историко-философских работ советского времени: монографий и диссертаций, статей и докладов. Историки философии того времени не могли довольствоваться, как сейчас, обычной презентацией и анализом идей философов прошлого. Они должны были обозначить причины его актуализации в настоящем: простой историко-философской коммуникации было недостаточно. Границы историко-философской репрезентации обозначались в контексте актуального социально-политического дискурса. Эта критика, хотя и имела по отношению к самой истории философии характер превосходения, была критикой изнутри актуальной ситуации и не обращалась к основанию историко-философской работы.

Однако история философии всегда предполагает превосходение репрезентации в критике, используется ли эта критика в рамках другой идеологии или надстраивается над ней. Если репрезентация есть осмысление философских идей прошлого в современности, то критика в таком случае предполагает проблематизацию самого прошлого, особенностей структурирования его философских презентаций, а также, на самых глубинных уровнях, проблематизацию сути самой философской презентации и историко-философской репрезентации (в их соотношении) как таковых.

Для того чтобы точнее проблематизировать специфику историко-философской критики можно обратиться к важной методологической работе М. Фуко «Слова и вещи». В ней Фуко, развивая идеи Канта, стремится вскрыть тот порядок мышления и культуры, который определяет «взгляд» человека на мир, точнее, европейское мировоззрение в конкретные промежутки времени. Кант, стремясь обозначить границы разума, всячески акцентировал тот факт, что мы смотрим на мир через пространственно-временные очки органов чувств. Б. Рассел разъясняет это достижение следующим образом: «Согласно Канту, внешний мир дает только материю ощущения, но наш собственный духовный аппарат упоря-

дочивает эту материю в пространстве и во времени и доставляет понятия, посредством которых мы понимаем опыт. <...> Если вы всегда носили голубые очки, вы могли быть уверены в том, что увидите все голубым (это пример не Канта). Подобно этому, раз вы всегда носите пространственные очки в вашем уме, вы уверены, что всегда видите все в пространстве» [10].

Фуко идет вслед за Кантом. «...У Фуко обнаруживается именно тот тип критики, основания которого заложил кёнигсбергский мыслитель. <...> Кант первым среди европейских философов развил критику условий познания и дискурсивных практик и в то же время задумался над тем, что представляет собой “поле возможного опыта“» [4; С.380]. Уже «Рождение клиники» открывается фразой: «В этой книге речь идет о проблеме пространства, языка и смерти, проблеме взгляда» [13; С.8]. Взгляд задается определенной конфигурацией эпистемы, доступным только критике порядком языка. В классический век на уровне взгляда разворачивается репрезентация мира, в искусственном языке стремящаяся передать порядок природы. «В классическую эпоху использование знаков означает... попытку раскрыть произвольный язык, который санкционировал бы развертывание природы в ее пространстве, опорные термины ее анализа и законы ее построения» [14; С. 97], – подчеркивает Фуко. Однако на протяжении «Слов и вещей» он всячески подчеркивает, что искусственный порядок репрезентации никогда не приближается к естественному порядку, скорее, накладывая характерный для данного периода шаблон выражения (языка), она организует природу в определенную конфигурацию знания, дублирующую конфигурацию языка и эпистемы.

Развивая эти методологические построения применительно к истории философии, важно сразу обозначить, что историко-философская репрезентация, обычно обозначаемая в истории мысли не совсем положительным термином «доксография», всегда есть определенный «взгляд» историка философии. Он воспроизводит некую конфигурацию не столько философского знания, сколько конфигурацию истории мысли, а затем конфигурацию современной идеологии. Идеологические структуры невидимы, но определяют пространство видения, и понадобится рождение нового Фуко, чтобы вскрыть эту тонкую сеть связей.

В обычной научной репрезентации характер взгляда, его направленность не акцентируются. Ежели взгляд называется взглядом, если обозначаются цели, репрезентация ставится под вопрос, подобно тому, как это происходит во введении к первой «Критике», которую Кант называет пропедевтикой к новой философии. Поэтому акцентирование политической ангажированности, примеры которой приведены в начале статьи, уже есть первый шаг к историко-философской критике, а последняя как философ-

ская историография есть путь к эпистемологии исторической репрезентации.

Важно акцентировать тот факт, что история философии, являясь частью не только философии, но и истории мысли, как практика является одной из разновидностей коммеморации. Она осуществляет работу по отбору, переработке и сохранению мысли великих философов прошлого, выстраивает некую историю философского прошлого и встраивает ее в общую историю мысли. Она говорит не только о концептах и системах отдельных философов, но и синтезирует их репрезентации, обобщая их в картину направлений, движений, выделяя тенденции, устанавливая историко-философские последовательности.

Как часть коммеморативного дискурса история философии имеет дело с коллективной памятью. Описывая ее, М. Хальбвакс разъясняет: «...воспоминания могут выстраиваться двумя разными способами: они или выстраиваются вокруг определенного человека, рассматривающего их со своей собственной точки зрения, или распределяются по большому или малому сообществу, становясь его частичными отображениями. Другими словами, индивиду доступны два типа памяти. <...> ...В определенные моменты он способен вести себя просто как член группы, вызывая в памяти и поддерживая безличные воспоминания в той мере, в какой они затрагивают его группу» [15; С.16]. Безличные воспоминания в истории философии есть память философской традиции, хранимая историками философии как определенной группой профессионалов.

В свете перспективы практик памяти история философии предстает как наука, оперирующая репрезентациями. Репрезентационной задаче истории философии отвечает исходный уровень историко-философского исследования – доксография. В противовес недооценке доксографии как самостоятельной составляющей, можно сказать, что именно она творит историко-философские репрезентации. Она создает «онтологию Платона» или «гносеологию Аристотеля», «философию жизни» или «объективный идеализм». Поэтому в доксографии исследователь не просто излагает, повторяет или пересказывает, он изобретает гораздо больше, чем считается: он творит репрезентацию прошлого в языке современности.

Уровень историко-философской доксографии оперирует собственным искусственным языком: концептами («бытие», «человек», «мораль», «модус» и проч.), разделами (онтология, гносеология, антропология, этика и проч.), сплетая посредством него некую структуру репрезентаций – систему идей философа прошлого. По разрозненным и часто противоречивым фрагментам живой мысли история философии выстраиваются относительно непротиворечивые последовательности, противоречивые

фрагменты которых только подтверждают основные принципы получившейся структуры.

Структуры истории философии коммеморативны. Это не просто репрезентации идей, но результат структурирования коллективных представлений. Репрезентационная практика истории философии не просто генерирует репрезентации мысли и структурирует их, но посредством этой деятельности оформляет коллективную память. Современная мысль и культура обретает свою историю как связь с мыслью прошлого, точнее, с оформленными в историко-философской практике последовательностями и структурами. Так современная философия оказывается продолжательницей нововременного проекта (некой последовательности, охарактеризованной как просвещенческий проект в истории философии нового времени и истории французской философии), а само Новое время – как оппонент схоластики (конечно, более цельной структуры репрезентаций). Схоластика, в свою очередь обсуждает и продолжает греческую мысль (правда, как репрезентацию в рамках собственной структуры).

Коммемарация истории философии разворачивается вокруг собственных точек конденсации прошлого - текстов. Текст содержит отсылки к целостности репрезентаций, к структуре мысли. Разумеется, он не представляет ее данность. Он связывается историей философии с культурным и социальным фоном, с биографией, сюда же добавляются данными других коммеморативных практик, репрезентации других наук. Однако именно текст легитимирует историко-философские последовательности и структуры.

В свете всего выше указанного закономерным является вывод о том, что история философии не столько имеет дело с прошлым, сколько структурирует репрезентации прошлого для современности, поэтому ее трактовка как науки о древностях, конечно же, не вполне обоснована. История философии есть не просто история науки как изложение прогрессивного движения. Она есть постоянная коммеморативная работа: структурирование и переструктурирование репрезентаций прошлого. В этой своей функции оно более современна, чем все остальные разделы философского знания, и, по всей видимости, более актуальна.

«Доступ к осознанию себя под знаком того, что завершилось навсегда, окончание чего-то изначального. О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет» [9], – говорит П. Нора. Для Нора проблематизация памяти и акцентирование самосознания есть свидетельство разрыва связи с истоком. И в самом деле, мы видим некую одновременность: признание кризиса метафизики философией начала XX века и ее же отчаянные попытки вступить в коммуникацию с великими мыслителями ушедших

веков. При этом обращенность к Античности, к новому времени носит характер поиска и возможного обретения истоков.

Истока жаждет Хайдеггер, обрушивающийся на простую историографию и настаивающий на диалоге мысли с самим собой, он отыскивает его в Греции и в герменевтике истины пытается восстановить мост через века, словно бы нет преемственности традиции, а есть лишь непосредственная коммуникация. На личной коммуникации с великими настаивает и Ясперс, и проблематизм историчности и преемственности еще сильнее акцентируется в его философии истории философии. О «продолжении движения», а не наследовании традиции говорит Э. Брейе, развивая идеи А. Бергсона. К практикам индивидуального существования и политического сознания античности обращается поздний Фуко. Историко-философские искания виднейших историков философии и философов XX века подтверждают наблюдение Нора: история философии XX века начинает разворачиваться на уровне памяти, а не на уровне истории, становясь специальной проблематизацией, а не естественным продолжением движения традиции.

Искусственность связи с прошлым, выход на сцену историографической проблематизации заставляет обозначить еще одну перспективу, которая и задает историко-философский критицизм: перспективу историка философии. Вновь обратившись к Фуко и его «Словам и вещам», можно сказать, что поле всякой возможной историографии становится антропологическое поле историка философии. Три кангианских вопроса «что я могу знать? что я должен делать? на что я могу надеяться?» [6; С.438] трансформируются в историографические «что я познаю посредством истории философии? каковы составляющие историко-философской практики? насколько я свободен в историко-философских изысканиях?», а четвертый предельный вопрос «что есть человек?» оборачивается вопросом «что есть фигура историка философии в культуре?». Таким образом, методологические вопросы обретают свое конкретное содержание точно так же, как это начиная с XIX в. происходит в других науках и их отраслях.

«Всякое эмпирическое познание, касающееся человека, становится полем возможного философствования... Антропология представляет собой, пожалуй, основную диспозицию, которая направляет и ведет философскую мысль от Канта до наших дней» [14; С.362-363], – подчеркивает Фуко. Для него «антропологический сон» предполагает постоянный обмен эмпирического и трансцендентального. На уровне истории философии этот обмен выражается полярным отрезком между конкретной историко-философской коммуникацией с фигурами прошлого (исследованием отдельной проблемы или концепции философов прошлого) и попыткой поставить вопрос об историзме и универсальности философского знания, а также стремлением в этой попытке обратиться к истории и памяти культуры.

Так историографический критицизм всегда в качестве оборотной стороны предполагает исследование особенностей практики историка философии [2]. Формулирование вопроса в рамках философской историографии означает одновременно его постановку на уровне актора историко-философского исследования. В конце концов, именно сам исследователь в своем самосознании мог подняться над непосредственной работой, разорвав отождествление с ней и поставить под сомнение основополагающие принципы приращения историко-философского знания

Философская историография как критическая стратегия предполагает две полярные точки рефлексии: с одной стороны, постановку вопроса об историзме/универсализме философского знания и истоке истории философии, а с другой, проблематизацию историко-философского исследования как специфического опыта историка философии. Последний в этом случае можно рассматривать как разворачивающийся в трех регистрах: исследовательском, идеологическом историческом [5]. Обращение к опыту в его основных регистрах позволяет проблематизировать вопросы границ историко-философского-творчества, включить историю философии в дискуссии о практиках памяти и вывести ее в широкий контекст исторических, историко-философских и историко-культурных наук. Обсуждение внутренних проблем отдельной философской отрасли, таким образом, оказывается частью широких общегуманитарных дискуссий.

Историографический переход от процесса к актору позволяет наметить новые измерения истории философии и обозначить перспективы ее развития в современной ситуации [8]. История философии здесь расценивается как конкретная историко-философская практика, основные проблемные точки которой сходны с таковыми в других естественных [3] и, главным образом, гуманитарных науках. Таким образом историко-философская критика включается в общий контекст критики общегуманитарной, закладывая ее методологические основания. Она позволяет поставить вопрос о социально-политическом и идеологическом контексте практики гуманитарных наук, акцентировать проблемы соотношения репрезентации и критики в исследовании и осмыслить статус гуманитарных наук в горизонте «прошлое – современность».

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус В.Ф. Античная философия. 3-е изд. – М.: Высшая школа. – 1999.
2. Власова О.А. «Революция относительности» и самосознание истории философии XX века // Философские науки. – 2018. – № 11. – 114-125.
3. Власова О.А. Перспективизм в истории философии второй половины XX века: развитие самосознания и проблематика «первого» и «третьего» лица // Вестник Московского университета. – Серия 7: Философия. – 2019. – С. 3-13.
4. Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. – СПб.: Алетейя. – 2010.
5. Дьяков А.В. Регистры опыта историка философии // Философские науки. – 2017. – № 7. – С. 23-30.
6. Кант И. Логика // Кант И. Трактаты. – СПб. – 1996.
7. Киссель М.А. Философская эволюция Ж.-П. Сартра. – М.: Лениздат. – 1976.
8. Львов А.А. Историки философии в поиске оснований своей дисциплины: статус истории философии и историко-философская работа // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2017. – Т. 3 (69). – № 4. – С. 84-94.
9. Нора П. Проблематика мест памяти. Пер. Д. Хапаевой / Франция-память. Ред. П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб: Изд-во СПбГУ. – 1999. – С. 17-50.
10. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. – М.: Академический проект. – 2004
11. Соколов В.В. Европейская философия XV-XVII веков. – М.: Высшая школа. – 1984.
12. Филиппов Л.И. Философская антропология Ж.-П. Сартра. – М.: Наука. – 1977.
13. Фуко М. Рождение клиники. Пер. А.Ш. Тхостова. – М.: Смысл. – 1998.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – СПб.: А-cad. – 1994.
15. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память / Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Пер. М. Габовича. – М.: Новое литературное обозрение. – 2005. – С. 16-50.

TRANSLIT

1. Asmus V.F. Antichnaja filosofija. 3-e izd. – M.: Vysshaja shkola. – 1999.
2. Vlasova O.A. «Revolyucija odnositel'nosti» i samosoznanie istorii filosofii XX veka // Filosofskie nauki. – 2018. – № 11. – 114-125.
3. Vlasova O.A. Perspektivizm v istorii filosofii vtoroj poloviny XX veka: razvitie samosoznaniya i problematika «pervogo» i «tret'ego» lica // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Serija 7: Filosofija. – 2019. – S. 3-13.
4. Dyakov A.V. Mishel' Fuko i ego vremya. – SPb.: Aletejja. – 2010.
5. Dyakov A.V. Registry opyta istorika filosofii // Filosofskie nauki. – 2017. – № 7. – S. 23-30.
6. Kant I. Logika // Kant I. Traktaty. – SPb. – 1996.
7. Kissel M.A. Filosofskaja jevoljucija Zh.-P. Sartra. – M.: Lenizdat. – 1976.
8. Lvov A.A. Istoriki filosofii v poiske osnovanij svoej discipliny: status istorii filosofii i istoriko-filosofskaja rabota // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kul'turologija. – 2017. – T. 3 (69). – № 4. – S. 84-94.
9. Nora P. Problematika mest pamjati. Per. D. Napaevoj / Francija-pamjat'. Red. P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh, M. Vinok. – SPb: Izd-vo SPbGU. – 1999. – S. 17-50.
10. Rassel B. Istorija zapadnoj filosofii i ee svjazi s politicheskimi i social'nymi uslovijami ot antichnosti do nashih dnei. – M.: Akademicheskij proekt. – 2004

-
11. Sokolov V.V. Evropejskaja filosofija XV-XVII vekov. – M.: Vysshaja shkola. – 1984.
 12. Filippov L.I. Filosofskaja antropologija Zh.-P. Sartra. – M.: Nauka. – 1977.
 13. Foucault M. Rozhdenie kliniki. Per. A.Sh. Thostova. – M.: Smysl. – 1998.
 14. Foucault M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk. Per. V.P. Vizgina, N.S. Avtonomovoj. – SPb.: A-cad. – 1994.
 15. Halbwachs M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' / Pamjat' o vojne 60 let spustja: Rossija, Germanija, Evropa. Per. M. Gabovicha. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie. – 2005. – S. 16-50.